

Говорят, в стародавние времена проходил по земле Великий Прилив.

Луна опускалась совсем низко, становясь огромной. Она шествовала по небосклону, и в ее холодном сиянии гасли звезды. Она казалась мертвым отражением живой земли — безлюдные долины, пустые моря, острые пики... Ее горы почти задевали вершинами земные горы. По лику луны змеились длинные пугающие тени. На одну ночь луна становилась низким каменным небом...

А навстречу ей, словно пытаясь дотянуться, поднимался океан. исполинский водяной вал подвижной горой вздымался выше облаков и катился по земле. Следовал за луной, гоня перед собой ураганы, врываясь в долины, перехлестывая горные хребты...

Потом луна вновь уходила высоко в небо, и океан успокаивался. Возвращался в берега, оставляя разоренную, опустевшую землю такой, какой она была в дни творения...

Откуда у людей эта память?

В те стародавние времена ведь еще и их не было. Не вылепила своих младших детей из глины мать-Земля. Не вырезал из ветки божественного ясеня премудрый Всеотец...

МАРИЯ СЕМЕНОВА, АННА ГУРОВА

Ведь и богов тогда еще не было.

Бабушка-Утка еще не нырнула в мировые бездны, чтобы свить гнездо и снести яйцо, из которого народятся первенцы-близнецы, создавшие семь разноцветных небес...

Небесная корова не вылизала их из соленого камня среди звезд...

Или нет?

А может, и в стародавние времена Небо и Земля так же неустанно рождали богов и людей. Все расцветало, солнце и луна катились по небу, озаряя юный мир, и в их сиянии начинали звучать первые песни.

Но опускалась луна, вздымался Великий Прилив, уничтожая все — и первые ростки, и первые плоды.

Заставляя Небо и Землю раз за разом начинать заново...

ГЛАВА 1

СЫНОК-АКУЛА

Вечер, долгие зимние сумерки. На берегу огромного, скованного льдом залива стоит одинокая вежа. Даже и не вежа — так, наспех собранный шалаш, чтобы ненадолго укрыться от колючего ветра. Перед ним горит костерок. А у костра сидит женщина.

С виду и не скажешь, стара она или молода. Распущенные по плечам длинные волосы почти белы, однако спина женщины прямая, движения быстрые, точные. Обветренное лицо изрезано морщинами, но в прищуренных глазах полыхает сила. На женщине длинная просторная рубаха без единой завязки, расшитая обережными узорами, дарующими плодовитость, — одеяние роженицы. Однако женщина вовсе не выглядит беременной. И рубаха надета шиворот-навыворот.

Полог шалаша распахнут настезь, студеный ветер задувает внутрь. Снежинки вспыхивают в полуседых прядях. Но женщина вовсе не обращает внимания на холод и ветер. Она слишком занята.

Она шьет.

Складывает вместе куски шкуры и кожи, протыкает толстой костяной иглой, протягивает в отверстия сухожильные нитки. За работой шепчет заклинания: да не

потрескаются кости, да не лопнет чешуя, да не расколуются клыки...

Чтобы сынок вышел красавчиком, на радость матери!

На утоптанном снегу разложено все, что требуется для шитья. Недешево пришлось ей заплатить — зато теперь все в сборе.

Женщина пододвигает к себе растерзанный человеческий остов без рук и ног. Ловко пришивает к нему когтистые медвежьи лапы, чтобы сынок мог ходить по льду и снегу. И выпекает звучным, глубоким и сладким голосом, предназначенным лишь для чародейства:

— Пусть бьет когтями, как белый медведь-ошкуй, что отрывает голову одним ударом!

На спину и бока — акульки плавники.

— Пусть плавает как рыба, не зная усталости!

Глаза существу женщина оставляет человеческие.

— Пусть вернее найдет дорогу к дому врага!

Потом она берет голову морской кошки — маленькой злой акулы — и пришивает сыночку на живот. И еще одни акульки челюсти — на грудь, и еще двое — на плечи. Много, много зубов, везде, где только можно!

Больше острых зубов — чтобы сынок мог сделать главное, ради чего он нынче и рождается на свет.

Ради мести.

...Есть шаманы, что летают в небеса — за облака, на верхние ветви великого древа, и там беседуют с богами. Есть те, что спускаются в преисподние, где их поджидают голодные духи и мертвые сородичи... Но сильнее и страшнее всех шаманы, что отваживаются звать к темной силе моря.

Всякий на Севере знает: море — место смерти. Оно неподвластно вышним богам, бездонно и безжалостно.

ГЛАВА I. СЫНОК-АКУЛА

Рыбак или охотник на легкой байдаре уходит в море, словно в иной мир, и всякий раз неизвестно — вернется ли. А если и вернется, то каким?

Души погибших поглощает Полуночный океан, обитель холода и мрака. Оттуда приходит ветер, который отчаянные путешественники-новгородцы так и называют — «полуночник». Зимняя буря, что летит в мир живых напрямиком из-за Кромки.

Имя этого ветра — Кэрр. Такое имя приняла женщина, когда взяла в мужья великого морского духа и стала самой могущественной из шаманок Змеева моря.

* * *

Вечерний берег сковала мертвенная тишина. Птицы молчали в скалах, рыба ушла от берега. Затих даже ветер над ледяными торосами.

Отложив иглу, гейда Кэрр полюбовалась тем, что получилось. Ужасное создание неподвижно лежало перед ней на снегу, словно огромная кукла.

— Какой ты у меня красавец, сынок! Ни у кого нет такого, как ты! — с гордостью произнесла гейда. — Ты будешь красивым и сильным, сильнее всех. Ты ведь отомстишь злему человеку за маму?

«Тот человек обидел твою маму. Притворялся, что любит ее, миловался с ней среди сопков. Выведевывал ее шаманские тайны... А потом взял да и сбежал! Проснулась на любовном ложе — а оно уж остыло...»

— Он решил, что сможет бросить меня, словно какую-то девку-рыбодку?! Меня, гейду! Ха! Разве он не знал, глупый нойда, что женское колдовство сильнее мужского? Или он думал, что я забуду предательство?..

Или, может, надеялся, что я слишком люблю его и не причину зла?

Гейда расхохоталась так, что огненные духи костра в страхе забились под угли.

— Ну нет! Может быть, сначала я и пощадила бы его... Но шли годы — и любовь высыхала, будто старые кости. Вот и память о наших встречах среди сопот начала истираться. Я вспоминаю его объятия и уже не чувствую, как вскипает кровь... Но ненависть — о, ненависть пылает! С каждым днем все сильнее!

Кэрт Зимняя Буря бросила взгляд в угол шалаша. Там в берестяном коробе, укрытое рысей шкурой, стояло ее главное сокровище. И, как всегда, холодок пробежал у нее по спине: сама великая Сила Моря взглянула на женщину из тьмы синими глазами.

— Ненависть сделала меня могущественной... Открыла мне пути, какими простые шаманы не ходят... Я стала сильнее самого сильного нойды! И вот недавно — слышишь, сынок? — я узнала, что мой враг вернулся из дальних странствий в свой род. И привел молодую жену!

Кэрт Зимняя Буря заскрежетала зубами.

— Поставил для нее вежу...

Губы гейды растянулись в жуткой улыбке.

— Вот тогда я пришла на берег. Я развязала три узла и вызвала бурю, какой и старики не припомнят. Море обратилось в черные стены, волны рушились, скалы содрогались! Горе тем, кто был тогда в море! Сколько рыбаков сгнуло, не вернувшись домой... Мне не было до них дела. Змеево море, просила я, подари мне плоть для сына-акулы!

Гейда вспомнила кучу выпотрошенных хищных морских кошек. Как они извивались и шелкали зубами, умирая на берегу!

ГЛАВА I. СЫНОК-АКУЛА

— И морские духи услышали: они подарили мне тебя...

Гейда погладила черные волосы утопленника.

— Мне все равно, кем ты был, рыбак. Из какого рода-племени, кого оставил плакать о себе на берегу... Мне нужны только твои кости, твоя кожа и мясо...

Бормоча себе под нос, Кэрр прибрала иглы и сухожильные нитки. Ну вот и закончена работа. Осталось только одно...

Дитя родилось. Теперь надо покормить его, чтобы проснулось.

Гейда распахнула глубокий ворот родильной рубахи, подхватила мертвое чудище, прижала к себе и сунула грудь в акулю пасть.

Острые зубы пронзили кожу, потекла кровь. Тусклые рыбы глаза заблестели, словно их увлажнили слезы. Медвежьи лапы обхватили женщину так, что подались кости...

— Пей, малыш, пей! — хрипло бормотала гейда. — Набирайся силенок!

Жизнь быстро уходила из женщины, перетекая в ее творение, но она не обращала на это внимания. А сынок-акула с каждым глотком крови, наоборот, оживал. Вот и человечьи глаза открылись, бессмысленно глядя в сумрак вежи. Дрогнули острые плавники...

Наконец, вдоволь напившись крови, существо оттолкнуло мать и с трудом поднялось, ворча утробно и глухо.

Кэрр Зимняя Буря сидела как-то вдруг постаревшая, бледная, обнаженная по пояс, и улыбалась. По ее телу струилась кровь, но она лишь с восторгом глядела на свое создание.

— Иди же, сын моей ненависти! Ступай, отомсти за меня!

Проводив взглядом чудовище, она накинула кожаную рубаху, достала из шалаша бубен и запела, призывая с севера бурю.

* * *

Тем же вечером на другом берегу залива с испуганным возгласом проснулась старая знахарка Морошка, задремавшая у очага в своей землянке. Ей приснился страшный сон: из моря вышли косатки и съели всех собак.

«Не к добру это! — с тревогой подумала старушка, прислушиваясь к вою пурги. — Прочь, ночные мары!»

Морошка принялась, по запаху выбирая нужный из бесчисленных травяных пучков, развешанных под сводом землянки. Протянула руку, вытащила из связки сухую колючую веточку доброго вереса-можжевельника, собираясь кинуть ее в огонь, чтобы отогнать незваных духов...

И ахнула, увидев, что сухая веточка сплошь изъедена серой плесенью...

— Порча! Беда грядет!

Одевшись потеплее, старушка выбралась из землянки. Далось ей это нелегко — зимний выход засыпало, пришлось копать дорогу сквозь свежий сугроб. Снаружи мело, завывало, снег жалил лицо.

«Это непростая буря, — сразу догадалась Морошка. — Ее кто-то наслал!»

Знахарка знала и умела многое. Однако она была не гейдой, повелевающей духам, а всего лишь обычной травницей.

— Побегу-ка я к Охтэ, — пробормотала она. — Он, наверно, уже знает, кто насрал бурю!

Привязав к ногам плетеные лапки, травница побрела через снегопад в сторону побережья, где — как полагалось, в стороне от селения — жил местный шаман по имени Охтэ Странник. Пурга била в глаза, и сугробы с каждым шагом становились все глубже. Вскоре Морошка остановилась. «Словно не пускают меня! — со страхом подумала она. — А на открытом месте что будет? Только летом, как снег сойдет, меня и найдут...»

Предчувствие подсказывало: идти дальше не следует. Боясь, как бы не потеряться в снежной круговерти, знахарка побрела сквозь пургу в укрытое за горой селение, где жили ее сородичи.

Четыре длинных дома — на четыре большие семьи — буря превратила в огромные, оглаженные ветром сугробы. Не знай травница, как попасть внутрь, — никогда бы не нашла вход. И то пришлось копать, прежде чем удалось пролезть в теплый дымный полумрак. Жарко горели огни в очагах, кругом мирно сидели родичи — кроили шкуры, чинили сети... Негромкие разговоры, перешептывание и смех сразу смолкли, едва из лаза снежным коlobком выкатилась старая Морошка.

— Акка, это ты? — поднимаясь, изумленно спросил Виг, молодой вождь сихиртя. — И как духи бури пропустили тебя невредимой? Снимай скорее парку, садись к огню!

Морошка вскинула руки.

— Беда, родичи! Эта буря — не просто так. Что-то страшное идет с моря! Я пыталась добраться до Охтэ, но ветер не пустил меня...

— Чего ты от нас хочешь, акка Морошка? — по-мрачнел Виг. — Чтобы мы пошли с тобой к нойде? Скверная затея! Если даже здесь, за холмами, так метет — представь, что творится на побережье!

— Можжевельник, отгоняющий диких сайво, рассыпался сухой гнилушкой у меня в руках! — выкрикнула старуха. — Понимаете, что это значит? А Охтэ там, на берегу, совсем один!

— Ты забыла, что с ним жена и дочь.

— Так это еще хуже! Они лишь отвлекут его, если предстоит сражаться...

— Ну и кому справиться с этой неведомой опасностью, как не Охтэ? — укоризненно спросил Виг. — Наш нойда велик и славен. Он обошел все земли, от саами до венья. Разве не его называют самым сильным шаманом Змеева моря? От нас не будет толку... Нет, акка, мы сейчас не пойдем туда. Мы подождем, когда прекратится буря.

Страшный порыв ветра с воем пронесся над земляной крышей, вбивая обратно в вытяжные отверстия дым впере мешку со снегом. Языки пламени затрепетали в очагах, по стенам побежали причудливые тени. В сумраке послышались испуганные возгласы детей.

— Если будем ждать, — мрачно проговорила Морошка, — не стало бы слишком поздно...

* * *

— Матушка, кто это так воет? Дикие сайво?

Кайя смотрела вверх, куда уходил дым очага и на разные голоса завывала темнота.

— Ветер лютый, — отвечала мать. — Похоже, эта буря прилетела прямо с Вечного Льда!

ГЛАВА I. СЫНОК-АКУЛА

— Почему у ветра такой голос, будто он голодный?

— Это потому, что скоро весна. Когда близится время солнца, с моря всегда налетают бури. Зима не хочет уходить, гневается.

— А-а-а... — неуверенно протянула девочка. — А почему ветер так сильно воет как раз над нашим домом?

— Глупости, Кайя! Ветер воет везде. Лучше пригляди за похлебкой, чтобы не убежала.

Девочка послушно опустила взгляд и подсела к очагу. Огонь плясал под котелком, грел его железные бока. К весне, под конец бесконечно долгой зимы, хочешь не хочешь, а все начинают подъедать последние припасы. Еда становится скудной и скучной. Но не сегодня! Нынче мать решила порадовать семейство и достала заветный мешочек с мукой, что еще летом выменяла у сурян. Добавила вкусной, жирной рыбы...

Девочка втянула ароматный пар, глядя, как похлебка лениво булькает в котелке.

— Кайя! Нос ошпаришь!

Кайей — «Чайкой» — назвал ее отец, прошедший все извилистые берега Змеева моря. Чайка сродни и морю, и небу. Ведь без играющего на волнах солнца и брызг пены, что разносит ветер, море — лишь темная бездна. Племя сихиртя жило среди сопок, но море с древних времен щедро кормило их. Они любили его. Они его боялись.

Кайя почти не знала моря. Всего шесть зим она прожила на свете, и ее миром была родная землянка. Домашние духи — ручные сайво, — что невидимками грелись под вытяжным отверстием. Закопченные камни в очаге. Кайя часто подслушивала, как они тихо переговариваются, вспоминая давние времена.